

С Е Р И Я

С О Ц И А Л Ь Н А Я

Т Е О Р И Я

ГРАММАТИКА
ПОРЯДКА

*Историческая
социология понятий,
которые меняют
нашу реальность*

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2014

УДК 316.3
ББК 60.5
Б60

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей социологии НИУ ВШЭ
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ

Бикбов, А. Т.

Б60 Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность [Текст] / А. Т. Бикбов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1001-8 (в пер.).

Книга социолога Александра Бикбова — это результат многолетнего изучения автором российского и советского общества, а также фундаментальное введение в историческую социологию понятий. Анализ масштабных социальных изменений соединяется здесь с детальным исследованием связей между понятиями из публичного словаря разных периодов. Автор проясняет устройство российского общества последних 20 лет, социальные взаимодействия и борьбу, которые разворачиваются вокруг понятий «средний класс», «демократия», «российская наука», «русская нация». Читатель также получает возможность ознакомиться с революционным научным подходом к изучению советского периода, воссоздающим неочевидные обстоятельства социальной и политической истории понятий «научно-технический прогресс», «всесторонне развитая личность», «социалистический гуманизм», «социальная проблема». Редкое в российских исследованиях внимание уделено роли академической экспертизы в придании смысла политическому режиму.

Исследование охватывает время от эпохи общественного подъема последней трети XIX в. до митингов протеста, начавшихся в 2011 г. Раскрытие сходств и различий в российской и европейской (прежде всего французской) социальной истории придает исследованию особую иллюстративность и глубину. Книгу отличают теоретическая новизна, нетривиальные исследовательские приемы, ясность изложения и блестящая систематизация автором обширного фактического материала. Она встретит несомненный интерес у социологов и историков России и СССР, социальных лингвистов, философов, студентов и аспирантов, изучающих российское общество, а также у широкого круга образованных и критически мыслящих читателей.

УДК 316.3
ББК 60.5

В оформлении обложки использован фрагмент картины Giuseppe Pellizza da Volpedo. Quarto Stato, 1901.

ISBN 978-5-7598-1001-8

© Бикбов А.Т., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ПОНЯТИЙ	9
Понятие и его смысл	11
Работа с материалом: деления и приемы	26

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ГЕНЕАЛОГИЯ НОВОГО ПОРЯДКА

I. СТРУКТУРА ПРОЕКТА: «СРЕДНИЙ КЛАСС» ДЛЯ «ДЕМОКРАТИИ»	43
Русский XIX век: географическая граница как смысловая	47
Политическая предыстория «среднего класса»: собственность и умеренность	56
Интернационализация «среднего класса»: от стабильности до платежеспособности	69
II. РОССИЙСКИЙ «СРЕДНИЙ КЛАСС»: ЭНЕРГИЯ РАЗРЫВА И РАССЕЙВАНИЯ	81
На периферии новой понятийной сетки (начало 1990-х годов)	83
Средние-буржуазные: политический поворот и советский стигмат (1950–1960-е годы)	100
Третья производительная сила «бесклассового общества» (1970–1980-е годы)	115
Нормализация «среднего класса» (1990–2000-е годы)	124
«Средний класс» в медийном и в уличном пространстве (2011–2012 гг.)	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: «ТРЕТИЙ ЭЛЕМЕНТ» И ВНИМАНИЕ К РАЗЛИЧИЯМ	163

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СОВЕТСКИХ ПОНЯТИЙ

III. ФУНКЦИЯ «ГУМАНИЗМА» В ОФИЦИАЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ РИТОРИКЕ	173
«Социалистический гуманизм»: функциональная константа и ее контекст	175

Смысловые и силовые сдвиги: модель анализа	182
От теорий тоталитаризма — к анализу риторических схем и баланса сил	191
IV. БУРЖУАЗНАЯ «ЛИЧНОСТЬ»	
В ГОСУДАРСТВЕ «ЗРЕЛОГО СОЦИАЛИЗМА».	195
Понятие в символическом и социальном порядке	197
«Личность» как функция «потребления».	202
Официальные классификации: от «масс» — к «личности»	212
Новые социальные дисциплины: между «коллективом» и «личностью»	217
Философские импликации: автономная «личность».	224
Освобождение «личности» как политический компромисс.	231
V. РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА	
«НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА»	238
Научное управление обществом.	240
Рождение ведомства из задач усовершенствования техники.	247
«Академизация» Гостехники и циклы реформ	249
Цивилизационный сдвиг: от «науки на службе практики» — к «научно-техническому прогрессу»	256
VI. «НАУКА» БЕЗ «ПРОГРЕССА»:	
ПОСЛЕСОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ	263
От «прогресса» к «потенциалу», или в направлении международного рынка	263
1991: «разрушение» или «создание»?	272
Становление «вневедомственной экспертизы»: техническое как политическое	277
Революция технических классификаций: собственность и статистика	286
Инфляция понятий: сильная «наука», слабые «ученые».	294
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ — К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ.	
	300

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. КРИТИЧЕСКАЯ (САМО) ОБЪЕКТИВАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

VII. РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ГЕНЕЗИС ДИСЦИПЛИНЫ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОСНОВАНИЙ		308
Институты, универсалии и здравый смысл: методологическое введение		308
Принципы мышления и генезис социологических институтов		313
Общность политических координат и поворотные точки		322
Правила метода и «социальная проблема»		325
Образцовые классификации и образцовые карьеры		334
Immobilis in mobile		343
VIII. НЕКОЛЛЕГИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА: ЭСКИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИКРОИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ		349
Хронология и география анализа		354
Социология как политический выбор Belle Époque: республиканцы versus антимонархисты		357
Основополагающий критерий: коллегиальное самоуправление versus начальственное управление дисциплиной		361
Гений места: рождение советской социологии из духа руководства		376
Двойная карьера и понятийные компромиссы		384
Дисциплинируя социологию заново: институциональные пределы обновления понятий		393
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ПОДВОДЯ ИТОГИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕРЕГУЛЯЦИИ		408
Является ли язык первой инстанцией расизма?		410
Институционализированный расизм Академии: гипотеза дерегуляции		414
Дерегуляция обменов, концентрация власти: «естественность» расизма		418
Императив саморегуляции: изгнание расистов из Академии		426

Введение. Метод исторической социологии понятий

Настало время прояснить понятия. Означающие их слова ясны или кажутся таковыми. Проблема заключается не в семантике, а в центрах силы, отношения между которыми имеют учредительный характер для нашего языка, как и для самой реальности. Со времен просветителей известно, что институты — это материализованные понятия. Но верно и обратное. Эмиль Дюркгейм с Марселем Моссом, Эмиль Бенвенист, Райнхарт Козеллек, Джордж Лакофф и другие исследователи различными способами продемонстрировали, что понятия — это социальные институты¹. Данная интуиция столь же продуктивна в интеллектуальном отношении, сколь опасна в политическом. Господствующий сегодня исторический и политический оппортунизм, подкрепленный скоростью социальных изменений, часто склоняет нас видеть в понятиях *просто* слова: они имеют смысл, но мы используем их так, словно те избавлены от принудительной силы факта. Как следствие, из публичной речи, будь она политической или академической, непрерывно ускользает реальность, которой понятия придают форму и окончательность. Между тем язык, компрометирующий понятия, — это прежде всего язык без истории, которая, как повторял Пьер Бурдьё, и есть подлинное коллективное бессознательное.

Подобное положение дел вовсе не означает, будто наш язык предельно свободен для рефлексии о настоящем. Напротив, от-

¹ Эмиль Бенвенист выносит эту интуицию в заглавие самого известного своего исследования, словаря индоевропейских институтов, предлагая рассматривать отношения между понятиями как слепок исторических отношений между центрами силы и как проект последующего равновесия между этими центрами. В русском издании словаря «институты» переводятся как «термины». Редактор издания оправдывает это языковым здоровым смыслом начала 1990-х годов и неограниченностью предметной области анализа: Степанов Ю. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке и культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 5.

казываясь иметь дело со своей исторической определенностью, он погрязает в прошлом, реальном или воображаемом, не способный совладать с силой факта. Реактуализация истории-бессознательного в зоне рефлексивной работы с настоящим может сопровождаться сегодня такими усилиями и рисками, которые делают успех предприятия маловероятным. При этом публичное использование понятий редко обходит стороной «большую» событийную историю в ее традиционном и зачастую мифологизированном изложении. Подобных аллюзий как раз достаточно, а порой и больше необходимого. Наша публичная речь крайне нереклексивна в первую очередь в отношении исхода даже недавних социальных столкновений, которые определяют победителей и проигравших на годы вперед, — тех, что создают социальный порядок в собственном смысле слова. Погруженные в пространство актуальной публичной речи, мы живем в иллюзорном мире открытого настоящего и любых возможных исходов. Тогда как в понятиях, которыми мы пользуемся как *просто* словами, нередко уже содержится эскиз нашего будущего, а отчасти — и указание мест, которые нам в нем определены.

То, что «мертвые хватают живых», — лишь одна и давняя проблема. Другая состоит в том, *как* мы этого не замечаем. Внимание к понятиям оправданно не только ради ретроспективной регистрации их роли в настоящем и освобождения от груза прошлого. Не менее важна их проективная потенция, т.е. способность понятий создавать будущее, доопределяя реальность в форме институтов. На обширном материале европейской истории Козеллек с коллегами показывает, что использование слов как понятий самым радикальным образом меняет будущее и само переживание времени. Этот кардинальный политический факт имеет следствия для реальности, как и для методологии ее исследования. В своем пределе исследование понятий совпадает с раскодированием генезиса реальности. Его ожидаемый результат — вскрытие той разметки, которая, выражаясь ученым языком XIX в., нечувствительно присутствует в реальности, встроенная в ее восприятие и оценку ее потенций, и сообщает элементам реальности смысл и ценность. Исследование позволяет отслоить от реальности понятийную сетку, ключевые элементы которой сформированы когда-то ранее, вероятно, с другими целями и, очевидно, в иных социальных условиях. Прошрое, запечатленное в узлах и ячейках этой сетки, не диктует нам вос-

приятия актуальности с неизбежностью приговора. Ее элементы прагматически переписываются и калибруются вслед за сдвигами и разрывами в силовых полях, которые мы и склонны отождествлять с «самой реальностью». Однако история обнаруживает себя не только в прямом диктате неотменимых условий: ранее установленных границ, групп родства и бесспорных очевидностей. Исторически определенные формы опосредуют любой разрыв, который создает следующую, прежде немислимую разметку реальности, т.е., в конечном счете, саму известную и понятную нам реальность. Значит, исследование понятий — это прояснение и *подготовка условий* такого разрыва.

ПОНЯТИЕ И ЕГО СМЫСЛ

Понятийные структуры, подвергнутые историко-социальному анализу, в отличие от экономических показателей и даже политической догматики, способны дать более точное понимание специфики политического и социального режима послесоветской России и СССР, как и познавательных возможностей и профессиональной организации социальных наук в СССР и после. Чтобы приблизиться к такому пониманию, необходим метод, для начала позволяющий выделить понятия, в которых порядок обнаруживает себя в наиболее ясной и действенной форме, — т.е. ключевые социальные и политические категории. Вслед за этим такой метод должен обеспечить устойчивые результаты при фиксации смысла понятий, не испытывающего критической зависимости от произвола исследователя и при том не сводящегося к разновидности энциклопедической статьи. Наконец, метод должен раскрывать произвольное отношение между двумя типами социальных структур: понятийными и теми, что не могут воспроизводиться вне языка, но к языку не сводятся, — т.е. между смысловым и силовым измерениями социальной практики.

Таким образом, социальному исследованию понятий предпосланы три кардинальных методологических вопроса: 1) Что такое понятие и какие понятия следует избрать предметом исследования? 2) Как определять смыслы понятия и фиксировать их в систематической форме? 3) Как возвращать понятие в реальность, т.е. проследивать его действие на непонятийные социальные структуры?

Два первых вопроса давно и активно обсуждаются разработчиками конкурирующих версий истории понятий и истории идей². Ответы на них представлены у исследователей, обращавшихся к социальному действию языка и производящему характеру понятий: от Райнхарта Козеллека и Квентина Скиннера, вместе с коллегами и последователями работающих с периодами большой длительности, через Ролана Барта и Джорджа Лакоффа, сосредоточившихся на актуальности социального порядка, к исследователям, которые, как и российские авторы нескольких сборников, с начала 2000-х годов дополнили историю понятий изучением периодов средней длительности³. Однако не все эти ответы достаточно эксплицитны и не все они удовлетворяют задачам исторической социологии. Кроме того, третий вопрос, хотя декларативно озвучивается в рамках той же истории понятий, не может быть в действительности решен без об-

² См., например, чрезвычайно содержательный и иллюстративный в этом отношении сборник: *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte* / ed. by H. Lehmann, M. Richter. Washington (DC): German Historical Institute, 1996.

³ К настоящему времени на русском языке имеется несколько обзоров, которые с разной степенью детальности представляют существующие подходы: *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5.* СПб.: Алетей, 2006; *Буссе Д.* История понятий — история дискурса — лингвистическая эпистемология // *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта, при участии В.И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007; *Плотников Н.* Язык русской философской традиции: «история понятий» как форма исторической и философской рефлексии // *Новое литературное обозрение.* 2010. № 102; *Бедкер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // *История понятий, история дискурса, история метафор* / под ред. Х.Э. Бедкера. М.: Новое литературное обозрение, 2010; *Миллер А., Свижков Д., Ширле И.* Предисловие // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Свижкова, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1. Исследования на российском материале представлены в сборниках: *Понятие государства в четырех языках* / под ред. О. Хархордина. СПб.: Издательство Европейского университета; Летний сад, 2002; *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5.* СПб.: Алетей, 2006; *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта, при участии В.И. Молчанова. М.: Модест Колеров, 2007; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: в 2 т. / под ред. А. Миллера, Д. Свижкова, И. Ширле. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012; а также в отдельных статьях, опубликованных вне тематических сборников.

ращения к исследовательскому арсеналу социологии. Поэтому здесь я обозначу собственные методологические предпосылки исследования, которое представлено в данной книге. Это не будет исчерпывающим изложением метода. Не желая разбивать текст книги на теоретические и исторические главы, я буду возвращаться к отдельным предпосылкам и допущениям по мере работы с материалом, тем самым наряду с кратким наброском во введении предлагая «заземленную» теорию.

Прежде чем развернуть ряд посылок и исследовательских операций, следует сделать важное замечание. Если с самого начала очертить поле исследования, сосредоточившись на определении понятия как элементарного семантического или социального факта, это не даст никакого понимания действий, которые исследователю необходимо совершить, чтобы выделить ключевые понятия из потока публичной речи, выявить социальные коллизии при наделении их смыслом и ценностью, установить роль понятия в регламентации практик. Поэтому я сразу предложу операциональное определение понятия: не *что* есть понятие, а *как* можно изучать понятия социологически.

1. Социальную «работу» понятий следует искать в измерении, отличном от истории слов. В рамках историко-социологического исследования меня в первую очередь интересует место понятия в социальном порядке, а не историческая траектория лексем от общества к обществу, из одной языковой среды в другую или от одних авторов к другим. Само по себе описание историко-географической траектории — важная исследовательская задача, которую на российском материале решает ряд авторов сборников «Персональность...» и «Понятия о России...»⁴. Однако для

⁴ Полные библиографические данные сборников см. в предыдущей сноске. Следует отметить, что задачи проектов к этому не сводятся. Работа над словарем персональности направлялась сравнительной перспективой, которая через семантические различия позволила дифференцировать функции понятия в различных культурных контекстах. Координатор проекта Николай Плотников отмечает: «Эта задача была совершенно проигнорирована Райнхартом Козеллеком, который рассматривал поле европейских языков как семантически и социокультурно однородное, причем сосредоточивался в основном на немецком языковом материале применительно к Новому времени. Лишь у его учеников возникло осознание того, что ключевые понятия выполняют в разных контекстах разные функции и задают различные модели описания социального. Проект «Персональность» возник именно из этой проблематики, и траектория рецепции тех или иных семантических

целей исторической социологии важнее описать и объяснить, как данное понятие — вне зависимости от траектории его географического движения — «работает» в актуальных социальных практиках и межпозиционной борьбе. Знание географической траектории понятия может быть полезным в случае, если оно позволяет точнее объяснить особенности использования, т.е. придания понятию смысла *здесь* и *теперь*. Так, уделяя внимание осаждению смыслов в историческом поле понятия «средний класс», я обращаюсь к англо- и франкоязычным источникам (см. гл. I наст. изд.). Это делается для того, чтобы прояснить активные и тупиковые генетические линии понятия и уточнить способы его определения в России сегодня. Однако я не вполне достигаю дальней цели, объяснения социальной «работы» понятия, оставаясь преимущественно в границах политического и интеллектуального круга производителей его смыслов и лишь на материале самых недавних событий (2011–2012 гг.) проверяя, включается ли оно в практики непрофессионалов. Если большая социологическая задача исследования — объяснить, как понятие направляет самый широкий спектр практик, как его смыслы рассеиваются и оседают в эмпирическом разнообразии взаимодействий, предлагаемое в настоящей книге исследование имеет лишь подготовительный характер.

В главах, посвященных исторической организации социологии и социальных наук, я возвращаюсь к связям понятия с географией. Здесь речь идет уже не о понятиях, которые, подобно «среднему классу», производятся социальными учеными о мире, а о самом понятии «социология». Хотя географические пути понятия объективируют в первую очередь политические отношения между обществом-донором и обществом-реципиентом, за первым шагом анализа, отсылающим к языковой географической карте понятий, следует второй, который направлен уже не на *географическую историю*, а на *территориальную логику* заимствованных категорий. Как и понятие «средний класс», которое остается исключительно экстерриториальным в русской научной речи XIX и начала XX в. (т.е. за редкими исключениями не используется авторами для описания «своего» социального порядка), аналогичным статусом обладает понятие

признаков отступает в нем на второй план» (из переписки с автором, 21.04.2014).

«социология». В начале XX в. ни институционально, ни лингвистически русская социология не может быть материализована в ином пространстве, нежели Париж. Но есть и противоположные примеры. В главе V я анализирую превращение науки и научности в доктринальное основание советского режима и прихожу к прямо противоположной констатации. Хотя понятие «прогресс» попадает в русский язык из европейских, преимущественно французских источников, а «научно-технический прогресс» вводится в словарь международных центров экспертизы, вероятно, раньше, чем в официальный советский словарь, символическая ценность этой категории в демонстрации различий между социализмом и капитализмом настолько велика, что Советский Союз послевоенного периода превращается в образцовую иллюстрацию «научно-технического прогресса», признанную и на международной сцене. В данном случае географическая история понятия полностью переопределяется его территориальной логикой.

2. Перед реконструкцией «работы» понятий следует определиться со списком тех из них, «работа» которых вносит наибольший вклад в субъективные схемы практик: их воспроизводство гарантирует порядок, в пределе они и являются самим социальным порядком⁵. Различные версии истории понятий и исторической семантики, естественно, не предлагают одного испытанного приема в формировании первичного списка. Козеллек в некотором смысле дает понять: вы сами увидите, когда перед вами — базовое понятие. Это приемлемо для исторического труда, ориентированного на составление обширного лексикона, но недостаточно для историко-социологического исследования, сфокусированного на изучении практик. Среди основных причин здесь можно назвать не только трудности такого подхода, плохо согласующиеся с требованием минимального обоснования в социологии, но и свои лингвистического порядка. Создатели лексиконов, которые описывают социальный порядок на

⁵ Обсуждение тезиса о субъективных основаниях социального порядка потребовало бы самостоятельного раздела и обращения к различным ветвям социологических традиций. Чтобы избежать этого в данном тексте, отошлю к статье, в которой этот тезис развернут на некотором графическом и биографическом материале: Бикбов А. Социальные неравенства и справедливость: реальность воображаемого (рисунки современного общества в России и Франции) // Логос. 2007. № 5.

периодах большой длительности, тяготеют к выбору в качестве ключевых понятий изолированных лексических единиц: «труд», «власть», «государство», «общество», «класс» и т.д.⁶ Это позволяет поддерживать консистентность лексикона, несмотря на сдвиги в социальных условиях воспроизводства системы языка. Однако периоды средней и малой длительности демонстрируют нам решающее отличие от этой картины. Среди наиболее действенно работающих понятий — по крайней мере, в российском случае — мы обнаруживаем *составные* лексические конструкции. Если это «класс», то «рабочий» или «средний», если «прогресс», то «научно-технический», если «гуманизм», то «социалистический» и т.д. В таких обстоятельствах попытки некоторых российских авторов механически копировать европейские исторические лексиконы, не соблюдая удвоенной бдительности в отношении социальных условий оборота понятий и исторической дистанции при реконструкции их смысла, дают весьма проблематичные результаты⁷. В действительности выявить, какие понятия лучше «работают», и означает дать ответ на вопрос, что есть ключевое историческое понятие в данный период. На интервалах, ограниченных десятилетиями или, самое долгое, столетием-полтора, социальные понятия, в которых объективируются осцилляции и сдвиги социального порядка, имеют форму лексических сочетаний.

В общем виде ключевые понятия — это такие конструкции, которые в ходе масштабных сдвигов социальных и политических структур выполняют функции операторов сдвига. Напри-

⁶ Образцом здесь, конечно, служит немецкий «Geschichtliche Grundbegriffe», выстроенный таким образом.

⁷ Именно такой предстает торопливая попытка краткого словаря русских политических понятий Олега Хархордина. Автор пренебрегает систематическим поиском граничных социальных условий в воспроизводстве исторической лексики и увлеченно перемежает периоды большой длительности в пределах одного абзаца (Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011). До более успешных опытов систематического словаря нельзя сказать наверняка, в какой мере небрежно-компилятивная организация статей этого издания обязана простой нехватке последовательной и методологически обоснованной обработки материала. Несмотря на это, текст представляет собой удачную иллюстрацию: без той или иной разновидности социальной истории или исторической социологии история понятий состоятельна лишь тогда, когда исследователь разделяет понятийные очевидности с изучаемыми авторами.

мер, «классовая война» операционализирует смысл «пролетарского государства» в первые два десятилетия после революции 1917 г., «научно-технический прогресс» и «всесторонне развитая личность» — характер режима «развитого социализма» в 1960–1980-е годы, «средний класс» — смысл послесоветского перехода к «демократии». Как отслеживать систематические возмущения, которые такие понятия вносят в ближайший контекст высших определений социального порядка и политических режимов (таких как «социализм», «капитализм», «демократия»)? Существует несколько показателей, позволяющих отбирать понятия на более твердых основаниях, нежели интуиция участников событий или держателей исторического архива.

Это изменения в словаре официальной государственной речи, в частности, публичных обращений высших государственных руководителей к населению и к политическому аппарату; материалы политических дебатов и экспертных дискуссий ввиду принятия новых законов, выработки перспективных планов и политических проектов; рабочая («серая») литература, издаваемая ограниченным тиражом для внутреннего использования правительственными комиссиями, техническими и финансовыми подразделениями органов власти, разнообразными вспомогательными структурами. За пределами корпуса официальной политической или официально лицензированной экспертной речи это статистика распространения отдельных понятий в заглавиях публикаций или их примерная оценка, которая может основываться на появлении или исчезновении отдельных библиографических категорий в высокоэтитизированных библиотечных классификаторах, отражающих символическую ценность этих понятий. Еще одним показателем служит активизация интеллектуальных дебатов вокруг того или иного понятия или темы, которая через идейную контроверзу вносит вклад в историческое поле понятия и дополняет его новыми элементами, доступными для повторной активации десятилетия спустя, в том числе в иных национальных и политических контекстах⁸. Наконец, это факты перевода доктринальных понятий в техни-

⁸ Райнхарт Козеллек достаточно подробно останавливается на этом, говоря о «наслоениях смыслов»: *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор* / под ред. Х.Э. Бедекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

ческие, такие как перенос понятий «прогресс» или «фундаментальная наука» 1960-х годов с высоких политических трибун в номенклатуру государственного бюджета. То есть закрепление отдельных понятий в той институциональной форме, которая уже относительно нейтральна к последующим политическим катаклизмам. В начале 1990-х годов «научно-технический прогресс» перестает выполнять функцию ключевого оператора, или понятия-посредника, в определении государственного режима социализма и плановой экономики. Однако понятия «прогресс» и «фундаментальная наука» по сей день сохраняются в структуре российского государственного бюджета.

3. Оставляя в стороне реконструкцию историко-географической траектории понятий, социологическое исследование признает актуальность другого вопроса, оживляющего дебаты между английской и немецкой школами истории понятий. Это вопрос: кто и что производит понятия? Очевидно, что ответ на него не может быть слишком простым. Но что можно сделать сразу — это отказаться от традиционно филологической и в значительной мере архаичной установки, которая предполагает исследование «авторского и интенционального механизма в конструировании социальной реальности, осмысленной в языке»⁹. Участники проекта «Понятия о России», к счастью, не следуют презумпции индивидуального авторства понятий и, отвечая на вопрос «кто?», указывают в первую очередь на имперское правительство. Введение этой инстанции в описание периода (XVIII–XIX вв.), когда участию государства в производстве социального порядка несвойственны более современные нам монопольные формы, требует дополнительных пояснений и уточнений. Альтернативу этому составляет ряд материалов проекта «Персональность». Они демонстрируют ключевую роль в становлении семантического поля понятия «личность» интеллек-

⁹ Именно так координаторы проекта «Понятия о России» определяют общую цель коллективного исследования (Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И. Предисловие // Указ. соч. С. 5–6). Это не слишком отличается от исходной методологической установки Квентина Скиннера, которая тяготеет скорее к классической филологии с ее инстанциями авторского намерения и идеи, чем к социальной семантике понятий (Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory*. 1969. No. 1). Конечно, не все авторы сборника «Понятия о России» и даже не все соавторы предисловия в своей работе строго придерживаются цели, обозначенной подобным образом.

туальных групп и центров того же периода, которые не имеют прямой связи с государственным аппаратом. Именно в работах и дебатах участников этих групп и центров приобретают эталонную форму некоторые смыслы, которые повторно активизируются при масштабных политических сдвигах в послевоенном СССР и в ходе демонтажа советского режима. Так или иначе, фактическое обращение к коллективным инстанциям наряду с текстами индивидуальных авторов важно, поскольку сближает методологии истории и социологии понятий. Оба проекта предлагают важные элементы для дальнейшего изучения не географической, а социальной траектории понятий. На основе данных, которые вводятся в настоящей книге, к государственным органам и интеллектуальным группам в XX в. следует также прибавить экспертные инстанции, в первую очередь научные и образовательные институты, а также СМИ, которые становятся основными «изготовителями» конкурирующих смыслов: часть последних государственный аппарат институционализирует в качестве политических универсалий.

Даже если в отдельных случаях можно проследить вклад тех или иных инстанций и участников в итоговую конструкцию понятия, следует исходить из того, что продукт подобных конструкторских усилий соотносим не с индивидуальной авторской интенцией или результирующим вектором нескольких интенций, а с практиками, локализованными в различных, в первую очередь профессиональных, институциях по производству смыслов. В этой перспективе понятие выступает анонимным и коллективным продуктом уже на отрезке его лексического генезиса. Такой его характер лишь закрепляется в ходе последующей циркуляции по каналам уполномоченной речи. Рутинные академические публикации, ведомственная «серая» литература, оформление технических классификаторов позволяют наблюдать неприглядную в своей серийности социальную жизнь понятий, которая избавлена от благородных оттенков истории идей, часто обязанной своим звучанием крайне узкой селекции авторитетных источников из мира философии, художественной литературы, образцовой политической риторики. Понятие приобретает характер ключевого через множество повторов и копирований, зачастую неререфлективных, порой механических. Такое положение дел прекрасно иллюстрирует сегодня социальная траектория основных политических категорий.

Переключившаяся из авангардных художественных и маргинальных академических публикаций в черновики безымянных спичрайтеров, которые дополняют их результатами диффузных заимствований и несистематизированного чтения, отдельные понятия становятся предметом публичного высказывания политических руководителей после того, как текст выступлений проходит их личную правку или редакцию их секретарей; будучи переозвучены и заново контекстуализированы журналистами, исходные лексические конструкции снова попадают в заглавия академических и экспертных, уже серийных публикаций. Именно в таком анонимизирующем публичном обороте единицы исторического публичного словаря окончательно избавляются от следов исходного авторства и становятся общими понятиями в собственном смысле, подобно популярному музыкальному мотиву или удачному анекдоту. Сам процесс продвижения лексической конструкции от одной инстанции к другой, в ходе которого происходит насыщение и переопределение ее смыслового поля, перепроизводит ее как понятие, которое находит свое место в символической архитектуре порядка.

4. Сознательное включение в исследование широкого круга социальных инстанций по производству понятий, который в пределе смыкается с набором профессиональных, биографических, политических условий производства и циркуляции смыслов, представляет собой серьезный разрыв с господствующими версиями истории понятий и истории идей. В частности, Квентин Скиннер отрицает важность изучения «социального контекста» авторского высказывания, усматривая в нем источник огрублений и ошибок при интерпретации авторского замысла¹⁰. Райнхарт Козеллек отчасти склонен рассматривать реальность социальных институтов как производную от смысла понятий, когда приглашает видеть в отдельных базовых понятиях такую производящую потенцию, которая определяет ход социальной истории¹¹. Отличительная характеристика исторической социо-

¹⁰ Skinner Q. Op. cit. P. 39–48. Подробнее дискуссии на этот счет см.: Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история метафор...

¹¹ С этой точки зрения очень показателен, например, разбор понятия «брак» и его исторической эволюции: Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века... С. 49–50. При этом было бы неверно приписывать

логии понятий, опыт которой я предлагаю в настоящей книге, заключается в том, чтобы вовсе отказаться от мыслительной фигуры «социальный контекст», будто бы комплементарной смыслу или даже замыслу, заключенному в понятии.

Социология, отправным горизонтом которой служит социальная, т.е. коллективная и объективная реальность, позволяет исследовательски и операционально определять смысл понятия следующим образом: смысл — это то, как данное понятие используется в коллективных контрверзах и в процессах институционализации. Не больше и не меньше. Вне социальных взаимодействий, которые направляются теми или иными понятиями, невозможно установить какой-либо смысл. И если какой-то исторический смысл нам непосредственно доступен или очевиден, это оказывается возможным лишь потому, что условия нашего существования сохраняют сходство или подобие с ранее действовавшими. Часто у нас нет возможности с достаточной полнотой восстановить эмпирическое содержание взаимодействий. Однако следует максимально близко придерживаться этой посылки. Понимание — лишь следствие взаимодействий, которые производят субъективность. Такое операциональное определение понятия ближе всего к предложенному Пьером Бурдьё «практическому смыслу», который одновременно является практическим чувством, т.е. тем смыслом, которым вещи и понятия «естественно» наделены для участников взаимодействий, в условиях возможности, определяемых объективными социальными структурами¹².

По этой причине «индивидуальный автор» Скиннера, интенционально генерирующий смыслы, равно как «базовое понятие» Козеллека, генерирующее рамочные условия реальности, в качестве центральной методологической фигуры должны уступить

несвойственный методологический радикализм взвешенному и даже осторожному анализу Козеллека отношений понятия с реальностью. Резюмируя подход, который представлен в словаре «Основные исторические понятия», он явным образом указывает: «Понятия — это и показатели, и действующие силы политической и социальной жизни», и их использование «подвержено также действию внелингвистических сил, таких как [социальные] структуры, которые не могут быть изменены в одночасье» (*Koselleck R. A Response to Comments on the Geschichtliche Grundbegriffe // The Meaning of Historical Terms and Concepts... P. 61, 67*).

¹² Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А. Бикбова, Е. Вознесенской, С. Зенкина, Н. Шматко под ред. Н. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. Кн. I. Гл. 3, 5.

место иной формуле: гомологии, или соответствию, между семантическим и социальным пространствами данного общества в данный период, которые взяты *сами по себе*, безотносительно к авторству и идейным рамкам. Такая смена методологического фокуса имеет по меньшей мере два кардинальных следствия, отделяющих историческую социологию понятий от исторической семантики и истории идей.

Во-первых, смыслообразование отныне рассматривается как практика *среди прочих*, т.е. как социальная практика. В этом случае для ее объяснения в целом иррелевантно представление об исходном замысле или авторской интенции так же, как оно бесполезно при объяснении других элементов социальной реальности *sui generis*. Следуя логике социологического подозрения, мы всегда можем достаточно точно локализовать подобный замысел, обращенный на значимое историческое понятие, в наборе объективных возможностей, биографических склонностей, характере борьбы, которую автор высказывания ведет в своей профессиональной среде или на политической сцене и т.д. Исходная авторская интенция, или смысл, который автор приписывает понятийной конструкции, будут здесь так или иначе детерминированы социальными, т.е. коллективными и объективными условиями самой возможности того или иного понятия. Бесконечная спираль «авторский замысел или объективные условия» вменяет исследованию ложный вопрос. Поэтому смысл понятия в историко-социологической работе следует исходно рассматривать как продукт и продуктивное основание социальной реальности. И смысл понятий, и смысл действий уже *наличествует* в эмпирической истории, зарегистрированный в текстах и иных результатах социальной практики. Нам следует изучать и описывать их как данные.

Во-вторых, анализ понятий, их семантического контекста, генерируемого отношениями с другими понятиями, исторического поля отдельных категорий, продуктивных и тупиковых (для каждого отдельного периода в разных языковых общностях) генеалогических линий исторической семантики имеет значение не сам по себе, не как акт реконструкции понятийного архива. Все исследование так или иначе имеет своим дальним горизонтом прояснение того, как понятия направляют практики. Достаточным для такой работы можно признать весьма ограниченный набор понятий, которые предоставляют доступ

к ранее ненаблюдаемым и неочевидным свойствам порядка. Составление исчерпывающего словарного списка, эта во многом предельная амбиция истории понятий или истории идей, вступает в конфликт с задачами исторической социологии, поскольку почти неизбежно, а порой и декларативно разрывает главную искомую связь — между семантическим и силовым измерениями порядка. Конечная цель исторической социологии понятий — не произвести исчерпывающий лексикон ключевых социальных и политических универсалий каждого периода, а глубже проникнуть в работу социальных механизмов, описав, как понятия выполняют «работу» узловых элементов социального порядка. Здесь основным ответом на вопрос «кто или что производит понятия?» служит анализ связи между институциональными (и институционализирующими) практиками и семантическими контекстами, которые формируются вокруг отдельных понятий, выполняющих роль социальных и политических универсалий в ходе работы инстанций освящения и распространения, таких как научные центры, государственный аппарат или СМИ.

5. В связи со сказанным историко-социологическое исследование вносит еще одну существенную поправку в методологию работы, предложенную Райнхартом Козеллеком. Козеллек предлагает различать в семантическом поле понятий Нового времени область опыта и горизонт ожиданий. Не отрицая эвристичности этого различия, историческая социология оперирует не только и не столько областью исторического опыта, осажденного в семантике понятия, сколько эмпирическим референтом понятия, который наделяется достаточно узким и специальным значением. На периодах малой и средней длительности эмпирическим референтом таких понятий, как «государство», «наука», «свобода слова» и др., выступает не опыт гражданства, исследований или публичного высказывания, а институты государства (например, министерство экономики или полиция), науки (академии наук и университеты), журналистики (редакции СМИ). Иными словами, эмпирический референт в данном случае, во всем спектре значений лексического термина — это прежде всего коллективные инстанции, которые гарантируют само социальное существование и воспроизводство понятия. Такие инстанции, как машины по производству смыслов, также служат источником проектных ком-

понент понятия, которые нормативно отсылают к желаемому или возможному будущему.

Признание исторической социологией множественности инстанций, т.е. коллективного и анонимного «авторства» понятий, не гарантирует нас от искажений перспективы, которые определяются локальной спецификой гуманитарных и социальных исследований. В частности, за пределами истории науки и науковедения российские исследователи редко обращаются к интеллектуальным центрам как источникам производства языковой и социальной реальности. Если в случае естественнонаучных дисциплин это еще может согласоваться со здравым смыслом, куда труднее оказывается признать, что глубокое воздействие на реальность способны оказывать социальные и гуманитарные дисциплины. В современном российском обществе, как и в позднесоветском, эта немыслимость прямо соотносится с убеждением «нас никто не слушает», которое в академических стенах подкрепляется слабостью структур коллегиального самоуправления¹³. Но, хотя академические социологи и их коллеги из смежных дисциплин слабо регламентируют условия собственной профессиональной жизни, результаты их систематической деятельности, пускай самые компромиссные в содержательном отношении, вносят решающий вклад в придание реальности ее воспринимаемой и узнаваемой формы. Происходит это по мере интеграции академической экспертизы в государственное управление. Уже в 1960-е годы, включившись в экспертный корпус государственного аппарата, социологи, психологи, философы не просто воспроизводят в академическом регистре понятия, звучащие с высоких государственных трибун. Через публичные дискуссии и вал публикаций они активно участвуют в придании новых смыслов политическим понятиям. В форме докладов и аналитических записок академические эксперты поставляют первичный речевой материал для публичного политического высказывания, а затем закрепляют политически освященные смыслы понятий в доктринальных и исследовательских публикациях. Результатом этого двойного переноса становится институциализация нетривиальных понятийных связей, которые сообщают новый смысл кардиналь-

¹³ Я подробно анализирую эти обстоятельства в главах третьего раздела книги.

ным политическим универсалиям. Именно так в административный и академический оборот 1960-х годов вводятся прежде невообразимые комбинации: «научно-технический прогресс» и «личность», «научно-технический прогресс» и «свободное время»¹⁴, — которые неявным образом перехватывают более ранние милитаризованные определения политической универсалии «социализм» и переводят ее в мирный, отчасти «буржуазный» контекст.

Демонтаж режима «научного социализма» и становление центров внеаппаратной и негосударственной экспертизы как конкурирующей, если не доминирующей формы интеллектуального участия в государственном управлении, вносит структурные изменения в этот процесс, но отнюдь не отменяет его. Даже то, что социологи, экономисты, политологи говорят сегодня об обществе торопливо или недобросовестно, придает смысл текущему балансу сил, который закреплен в понятиях «средний класс», «трудовые ресурсы», «бедные», «электорат», «элиты», «производительность» и т.д. В этих обстоятельствах перестают действовать в иных случаях решающие различия между образцовым теоретическим высказыванием и рутинной аппаратной речью, высотами интеллектуальной изобретательности и нищетой политического сервизма. Академические ученые и университетские преподаватели говорят то, что говорят. И весь корпус публичной речи, более не нуждающийся в предварительном государственном лицензировании, может быть использован и используется политически *post factum*. Вклад научных и образовательных институтов в производство политических понятий, со всей механикой интеллектуальных страховочных механизмов, которые заранее встроены в их публичный оборот, делает вдвойне опасными ограничения, которые диктует историческая семантика понятий. По меткому замечанию Пьера Бурдьё, «всякий анализ идеологий в узком смысле как легитимирующих дискурсов, не включающий в себя анализ соответствующих институциональных механизмов, рискует стать не более чем добавочным вкладом в

¹⁴ См., напр.: Научно-технический прогресс, социальное развитие и свободное время. Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации / под ред. А.А. Зворыкина. 1969. № 9 (24). Эта связь подробно анализируется в гл. IV наст. изд.

эффективность этих идеологий»¹⁵. Демистифицирующая цель историко-социологического исследования понятий состоит в том, чтобы соотнести эту публичную речь с условиями ее производства, которые снабжают такую речь способностью размечать реальность, придавая последней актуальный и перспективный смысл.

РАБОТА С МАТЕРИАЛОМ: ДЕЛЕНИЯ И ПРИЕМЫ

Если понятия объективируют историю в форме текстового архива, как и в невидимой власти над настоящим и будущим, историко-социологическое исследование становится наиболее действенным способом описывать согласованные между собой лингвистические и политические эффекты «работы» понятий. Сохранение лексики прежнего периода в публичном обороте настоящего обязано воспроизводству социальных структур точно так же, как исчезновение из публичного оборота прежде ключевых универсалий, а смещение ранее господствующих категорий на периферию понятийной сетки сопоставимо с миграцией к ее центру узкоспециализированных или маргинальных смысловых единиц. Когда подобные семантические события распространяются на масштаб всей понятийной сетки, захватывая множество ее узлов одновременно, они вступают в прямую связь с социальным порядком, обеспечивая его консервацию или преобразования. В подобных случаях мы можем быть уверены, что семантика публичной речи синхронизирована с масштабными сдвигами в до- и непонятийных социальных структурах. Порой связь между смысловыми и силовыми структурами артикулируется явным и рефлексивным образом, как в случае революционной необходимости. Но чаще эта связь не так очевидна в каждый отдельный момент и требует специального исследования.

В противоположность ранним подходам, сосредоточенным на выделении «твердого ядра» семантики понятий и дальнейших операциях с этим ядром, предлагаемый в данной книге подход основан на анализе различий между текстами и позициями, где определяется смысл понятий. В качестве точек отсчета я беру группы текстов, схожие в функциональном отношении

¹⁵ *Бурдые П.* Указ. соч. С. 263.

и расположенные на достаточной хронологической дистанции одна от другой, что позволяет фиксировать значимые семантические различия¹⁶. При этом среди текстов, принадлежащих одному периоду, я уделяю особое внимание тем, которые объективируют различные, в пределе противоборствующие позиции, претендующие на придание понятию смысла, или резюмируют результаты такой борьбы. Это имеет принципиальное значение, когда мы наблюдаем, как при помощи понятий создаются или разрушаются институты, укрепляются альянсы и обостряются конфликты, совершается мобилизация социальных групп. Здесь смысл социального действия оказывается неотделим от ценности, которую приписывают понятию, включенному в это действие. Возвратное движение между понятиями текстов, которые призваны направлять практику, и практикой, которая институционализирует понятия, составляет элементарную рабочую схему историко-социологического исследования. Далее я поясню, как некоторые методологические установки, вписанные в эту схему, реализуются в исследовательских приемах.

1. Смысл и ценность понятия не могут быть установлены вне семантического контекста, которым его снабжают другие понятия, находящиеся с ним в наиболее устойчивой узальной связи. Любое понятие связано с другими, и эта связь, понятая как текущая конфигурация понятийной сети в синхронном срезе, образует семантические гнезда, с которыми имеет дело практический деятель или исследователь. Чтобы сделать более понятным этот принцип, уместно напомнить о сосюрковском определении знака в системе, который актуален также в отношении отдельных социальных понятий: «В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет»¹⁷. Приступая к работе с тем или иным понятием, мы должны отдавать себе отчет, что беремся за один край понятийной сетки, и интересующее нас понятие

¹⁶ Вопросы максимальной дистанции (хронологической, а как следствие, и семантической) и ширины хронологического шага в целом достаточно активно обсуждаются исследователями. См., напр.: *Буссе Д.* Указ. соч. С. 122–123. В настоящей книге этот шаг в большинстве случаев измеряется двумя-тремя десятилетиями.

¹⁷ *Сосюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Сосюр Ф. де.* Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 154.

тянет за собой те, с которыми оно на тот момент наиболее тесно связано, они, в свою очередь, создают дальнейшие натяжения всей смысловой сети.

Если операционализировать практикуемый мною анализ семантики в терминах существующих подходов, он близок к модели ассоциативного тезауруса¹⁸, хотя и отличается от нее прежде всего способом измерения. Для исследований по реконструкции ассоциативного словаря естественного языка характерна статистическая обработка совместных вхождений (связей) терминов, представленных у его носителей. Анализ семантики социальных и политических понятий в настоящей книге с технической точки зрения представляет собой «ручную» и выборочную обработку контекстообразующих связей в опубликованных текстовых источниках¹⁹. В целом базовый лингвистический инструмент исторической социологии понятий — это выявление устойчивых ассоциаций между ключевыми понятиями и отслеживание периодов, когда такие контексты обновляются, т.е. когда в устойчивые отношения с изучаемым понятием вступают новые термины.

¹⁸ Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Издательство МГУ, 1977; Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002.

¹⁹ Лежащий в основании ассоциативного тезауруса отказ от жесткого разделения между семантикой и грамматикой (Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. С. 5–7) позволяет не отождествлять ключевые понятия с грамматической формой отдельно взятого существительного. Это подкрепляет использованное мною определение семантического смысла понятия в контексте устойчивых ассоциативных связей как совместного употребления существительных или конструкций в форме прилагательное-существительное. При этом расхождения между устойчивыми спонтанными реакциями носителей языка и теми связями, которые выявляет анализ корпуса уполномоченной публичной речи, могут быть значительными. Так, по данным «Русского ассоциативного словаря» Юрия Караулова с коллегами, на стимул «личность» наиболее частыми реакциями стали «человек», «яркая», «незаурядная», «темная» (от 75 до 18 вхождений), тогда как на реакцию «всесторонняя» и «всесторонне развитая» пришлось по одному вхождению из 658. Неоднозначная картина характеризует стимул «прогресс», на который первыми следуют реакции «науки», «вперед», «регресс» (по 7–9 вхождений), тогда как «научно-технический» имеет два вхождения из 108 (<thesaurus.ru/dict/dict.php>, последний доступ 22.04.2014).

2. Понятие, которое означает не только ограниченный исторический опыт или проект, но относительно открытую к изменениям конфигурацию практик (прежде всего институционализированных), за счет эффекта семантического гнезда генерирует множество вторичных смыслов, не сводящихся к изолированным словарным формам. Среди этих вторичных смыслов особо следует выделять коннотации, которые через контекст употребления указывают на социальную *ценность* понятия. Так, функциональное различие между конструкциями «яркая личность» или «всесторонне развитая личность» и «темная личность» заключается в первую очередь в символической ценности, которая приписывается термину «личность» в каждом из случаев. И если каждая из таких конструкций вписана в воспроизводство господствующих позиций в конкретный период, например, когда в публичной речи государственных деятелей и журналистов в 1930-е годы слово «личность» с регулярностью коннотируется отрицательно, можно сделать вывод о социальной девальвации соответствующего понятия (см. гл. IV наст. изд.). Не следует забывать, что понятия, выделенные исследователем из их семантических гнезд, всегда хранят на себе отпечаток исследовательского произвола. Именно поэтому в целях корректной реконструкции смысла понятий важно связанное описание семантических и социальных параметров их воспроизводства. С семантической точки зрения, как бы ни была велика взаимная подвижность отдельных элементов каждого такого гнезда, относительную устойчивость фиксируемого исследователем смысла обеспечивает постоянство словарных ассоциаций. С точки зрения социальной механики устойчивые семантические связи с большей вероятностью будут обнаруживаться там, где эта связь поддерживается институционально, т.е. там, где понятие «работает» как основа институционализированной практики.

Выбирая между реконструированным смыслом или словарным термином понятия, на первом этапе работы необходимо следовать за термином, прослеживая его генезис и превращения в различных социальных контекстах. Так, если «социалистический гуманизм» в 1930-е годы определяется через классовую ненависть, а в 1950-е — через недопущение новой войны (см. гл. III наст. изд.), то в первую очередь нас должны интересовать смысловые разрывы, которые присутствуют в контексте лексического термина «гуманизм», а не устойчивый понятийный

смысл «классовой ненависти», который практически лишается собственного лексического выражения в послевоенный период. Если термин меняет смысл или понятие закрепляется в иной словарной конфигурации, следует рассматривать это как часть истории понятия, которая может прерываться при сохранении словарной формы, и наоборот. Поскольку смысл и ценность понятия не рассматриваются вне практик, которые их учреждают и в производство которых они включены, социологический анализ, сопровождающий семантический, позволяет проследивать «приключения» понятий почти без потерь, характерных при составлении одного только текстуального (семантического) лексикона.

3. Приведенное ранее определение смысла понятия через взаимодействие имеет важное следствие. Семантический контекст понятия может быть в конечном счете раскодирован как продукт учреждающих социальных взаимодействий между различными позициями (группами, институциями) носителей и посредников. Здесь имеет смысл обратить внимание на два конкурирующих подхода к категоризирующей лексике, или историческим понятиям как единицам социального действия. В рамках методологий Райнхарта Козеллека и Квентина Скиннера понятия рассматриваются как смыслообразующие и генерирующие социальное действие единицы, чья принудительная сила в большей мере обязана естественному языку, чем историческим конфигурациям «социального контекста». В версии социолингвистики Пьера Бурдьё понятия описываются как элементы уполномоченной речи, т.е. смысл и значение понятия определяются в первую очередь тем, какую социальную позицию занимает публично высказывающийся, а рецепция его речи зависит от того, кем и как он был уполномочен на высказывание²⁰. Тем самым, поляризуя модели каждой из двух методологий, можно обобщить их следующим образом. Первая модель допускает, что смысл понятия генерирует новые отношения сил в социальной реальности и создает или изменяет саму публичную сцену социального действия. Тогда как вторая указывает, каким образом силовые отношения определяют выбор и смысл понятий,

²⁰ Bourdieu P. Le langage autorisé: note sur les conditions sociales de l'efficacité du discours rituel // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. Vol. 1. P. 5–6.

которые в тот или иной момент, синхронизированный с текущим состоянием баланса сил, или иерархизированным набором позиций, вводятся на публичную сцену.

Если эти два набора исходных допущений выступают конкурентами в теоретическом отношении, то в ходе историко-социологического исследования они фиксируют разные этапы исследовательской процедуры. Генеративный характер исторических понятий, на который обращает внимание Козеллек, позволяет отбирать из текстового корпуса те лексические конструкции, которые обладают наибольшей проектной «силой» или потенцией, выраженной в том числе и количественно. Например, в указанном ранее виде вала тематических публикаций в самых разнообразных профессиональных секторах, в форме стратегических классификаторов: административных, экономических, библиографических, торговых и т.д. Внимание к социальным и властным характеристикам носителей понятия, которые лежат в основе модели Бурдьё, позволяет проследить, в какие силовые отношения изучаемые понятия вписаны в текущий момент и как их смысл связан с силовой структурой уполномоченной речи, в частности, с институциональной организацией публичного высказывания. Такой двойной ход позволяет не только описать захват понятием новых семантических контекстов, но и объяснить социальные условия этой динамики, от институциональных инвестиций в поддержание той или иной конфигурации понятийной сетки до биографической предрасположенности тех или иных участников взаимодействия к использованию отдельных терминов. Среди прочего, двойной шаг анализа позволяет структурно фиксировать «кому выгодно», чтобы та или иная лексема превратилась в ключевое понятие, через актуальный или проектный смысл которого можно влиять на баланс сил. Это в точности отвечает основной задаче исторической социологии понятий, которую я назвал ранее: установление соответствий между расстановкой социальных сил и структурой понятийной сетки, отраженной в ключевых понятиях.

4. Выявление устойчивых контекстообразующих связей в семантике понятий и отказ от рассмотрения лексем в «чистом виде», т.е. вне социальных взаимодействий, ведет к уточнению лексической размерности ключевых понятий. Я уже указывал, что на протяжении последнего российского столетия в качестве

понятий наиболее действенно «работают» не изолированные словарные универсалии, а составные лексические конструкции. В политической, научной, журналистской практике присутствуют не «достоинство», а «человеческое достоинство», не «личность», а «гармонически развитая личность», не «прогресс», а «научно-технический прогресс» и т.д. Предваряя результаты исследования, представленные в настоящей книге, я готов сформулировать сильное допущение об общей структуре российского понятийного словаря. Плохо «работая» изолированно в разметке реальности, лексические единицы в качестве исторических понятий размечают реальность (в актуальности и проекте), только когда вступают в устойчивые отношения с другими понятиями, образуя синтагмы. Это справедливо для терминов «личность», «прогресс», «достоинство», обладающих относительно долгой российской историей. Это верно и для более «молодых» в российском политическом и культурном горизонте понятий, таких как «демократия», которые нуждаются в дополнительных квалификациях, чтобы генерировать более ощутимые эффекты реальности: используется ли в разных случаях для универсалии «демократия» квалифицирующий нормативный признак «российская», «мировая» или «суверенная». Схожую картину раскрывает семантико-социальное поле русского понятия «средний класс», реальность которого видится крайне проблематичной даже горячим апологетам, пока заемный термин не дополняется квалифицирующими признаками, такими как признак «российский» — он не просто локализует «класс» географически, а отсылает к набору «особых» социальных свойств²¹.

²¹ Контекст приписываемых свойств задает восходящая к началу 1990-х годов тематическая дискуссия о несходстве стандартов жизни (и критериев выделения) среднего класса в России и в «цивилизованных странах». Почти через 20 лет после открытия этой дискуссии в публицистике эмпирические исследования социологов по-прежнему строятся на нормативном отнесении к успешным образцам: «В России, где состояние общества с точки зрения его социальной структуры, политической повестки дня, а во многом — и общественного сознания, соответствует скорее Центральной Европе 1950–1960 годов, чем сегодняшнему состоянию европейского общества, концепция среднего класса представляется весьма актуальной» (Критерии выделения и определение численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН и Фонд им. Фридриха Эберта в РФ, 2006. С. 7). (Конструированию понятия

Необходимость в уточняющих *квалификациях*, которые делают понятие «работающим», с большой вероятностью объясняется длительным понятийным трансфером, который происходит в виде импорта не только терминов, но и политических институций, частичного и компромиссного на всем своем протяжении²². Конечно, российский случай не исключителен, и схожие свойства понятийной сетки мы, с большой вероятностью, обнаружим в других обществах с аналогичной практикой. Наличие внешних эталонных форм, которые становятся предметом трансфера, выступает источником основополагающего смыслового и ценностного напряжения, пока степень, форма и успех реализации проектов в обществах-донорах систематически идеализируются в обществах-реципиентах. Идеализация закрепляет в смысловом поле понятий иерархию между полноценными заемными образцами «цивилизованных» норм и неполноценными местными реалиями. Если в рамках развернутого высказывания такое напряжение традиционно выражается в явном противопоставлении «российского» (наделяемого негативной символической ценностью) и «цивилизованного» (с позитивной ценностью)²³, то в свернутом виде то же противопоставление содержится уже в лексической форме понятий. Конструкции «российский средний класс», «суверенная демократия», «социалистический гуманизм» и даже «всесторонне развитая личность» отчетливо коннотируют несовпадение локальных версий реальности с заимствуемыми проектными категориями «средний класс», «демократия», «гуманизм», «личность». Такую схему трансфера, которая воспроизводит регулярную асимметрию между образцовыми понятиями и «не вполне подходящей» реальностью, трудно квалифицировать

«средний класс» российскими социологическими и экспертными инстанциями посвящена гл. II наст. изд.)

²² Следует отметить, что большинство исследований по истории понятий в России имеют своей отправной точкой факты заимствования ключевой интеллектуальной и политической лексики в русском языке и культуре из европейских.

²³ Конечно, в периоды реакции, которые следуют за активной и никогда не завершённой вестернизацией политических и социальных институтов, порядок ценности инвертируется. Позднесоветская модель представляет в этом отношении более сложную схему заимствований-отталкиваний, которой посвящены главы второго раздела настоящей книги.

иначе как самоколонизацию. С содержательной точки зрения продуктивной здесь будет параллель с исследованиями Николая Плотникова, который обнаруживает в основании российских государственных реформ, начиная с XVIII в., метафорическое представление о российском обществе как «*tabula rasa*»²⁴. Регулярное нормативное преобразование местной «бесформенной материи», форма для которой каждый раз заново заимствуется в институтах Западной Европы, является достаточно точным выражением перманентной самоколонизации²⁵.

Если реальность соответствует понятиям лишь с квалифицирующими оговорками и решающая оговорка обозначена в самой словарной форме, то дополнительные квалификации делают сцепление с реальностью более или менее приемлемым. При этом нет сомнений, что действительным источником сохраняющегося зазора служат не отношения между понятием и реальностью, а сама практика переноса понятий — в том числе лингвистическая, но в первую очередь политическая. Трансфер понятий с квалифицирующим признаком производит структурный эффект, во многом противоположный натурализации, как ее определяет Ролан Барт²⁶. В отличие от натурализации, которая превращает историческое в природное в интересах господства, стирая заложенные в понятии различия и противоречия и тем самым существенно затрудняя его критику, прием квалифи-

²⁴ В частности, см. его доклад на философском факультете МГУ «Государство и личность в русской интеллектуальной истории. История понятий как форма социальной критики». 26.05.2010.

²⁵ Среди исследований, обращающихся к российской и советской истории в терминах колонизации и постколониализма, следует также упомянуть сборник: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Отправной в анализе российской истории здесь служит модель этнико-географической колонизации, которая напрямую не отсылает к организации понятийной сетки. Эвристичной, однако, предстает сама попытка критического анализа имперского правления как колониального. Остается сожалеть, что статья координаторов проекта определяет внутреннюю колонизацию таким образом, который почти не позволяет различать практики этнической колонизации и практики классового и иных форм господства (Кукулин И.В., Эткинд А.М., Уффельманн Д. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри...).

²⁶ Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Мифология / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996.

кации неявно и непрерывно ставит под сомнение реальность, стоящую за понятием, а в случае, когда подобным образом сконструирован целый ряд ключевых универсалий, — реальность самого общества. На деле квалифицирующая конструкция ключевых понятий, свойственная трансферу колониального типа, выполняет двойную социальную функцию. Она сообщает приемлемый (временный и компромиссный) характер понятию при его переносе и адаптации в действующей понятийной сетке, что позволяет тому «работать» как форме восприятия реальности. И она же оставляет открытым отходной путь для политических и экспертных инстанций в случае масштабных консервативных сдвигов в балансе сил, которые в России (и не только) сопровождаются систематической критикой «Запада», куда генетически отсылает ряд заимствований, чье происхождение не окончательно стерто процессом их использования. Принимая во внимание социальную модель понятийного трансфера, в историко-социологическом исследовании следует обращать особое внимание на лексическую конструкцию понятий и извлекать из нее так много политического, как это возможно.

5. Отдельного пояснения в рамках настоящей работы, вероятно, заслуживает само определение политического. В предельном отношении ключевые понятия настолько политические, насколько они являются общими. Дело в том, что любое понятие превращается в ключевое историческое, лишь став предметом уполномоченной речи и работы по универсализации и институционализации. В поле социальной практики это означает, что понятие пропускают через свою речь профессионалы от политики, число его употреблений растет в языке СМИ, адресуемых к большинству, оно используется в мобилизующей речи не только в профессиональной политике или во взаимодействиях между политическими делегатами и мобилизованным большинством, но и, например, в борьбе между научными группами, литературными альянсами и т.д. Именно таким образом стратегические узлы понятийной сетки советского общества сквозным образом скрепляются и коннотируются понятийными парами «личное — коллективное», «чистое — практическое», «абстрактное — классовое» и рядом подобных, которые представляют собой одновременно формы мышления, конкурирующие карьерные стратегии, научные категории, мотивы политических кампаний и репрессий, а в отдельных случаях — условие жизни

и смерти политических и научных противников²⁷. Во всех случаях понятия аккумулируют в своем смысловом поле прагматику межпозиционной борьбы, которая неразрывно связана с балансом социальных сил.

Властные эффекты этой прагматики возвращают нас к отождествлению Эмилем Бенвенистом понятия и института. Практикуемый мною метод не чужд бенвенистовскому радикализму: ключевое понятие, которое мы рассматриваем не как изолированный элемент культурного словаря, а как *raison d'être* административного учреждения или полюс практической оппозиции, управляющий борьбой между фракциями противников, — *и есть* институт. Пьер Бурдьё, в чьих исследованиях наряду с аппаратом социологии задействованы инструменты социолингвистики, также уделяет исключительное внимание категориям и классификациям, понимаемым как языковые и мыслительные различия, которые *непосредственно* упорядочивают практики²⁸. Такие различия, лежащие в основе производства социальных групп и взятые в качестве исходной переменной исследования, позволяют зафиксировать разнообразие речевых и силовых действий, которые материализуют смысл. Например, понятие «средний класс», которое является одновременно семантической и социальной категорией, находит определение в перечне критериев социологического или маркетингового исследования (по уровню доходов и образования, характеру занятости, типу потребления), в показателе численности из системы государственной статистики, в императиве поддержания общественной стабильности из уст страстного публициста или

²⁷ Вся историю науки советского периода можно представить через серию оппозиций, в которых определяют себя противостоящие фракции профессионализирующихся исследователей и профессиональных доктринеров. При этом оппозиции задаются не только полярными терминами, такими как «личность и коллектив», но и достаточно тонкими контекстуальными различиями, для которых используется одна и та же базовая лексика: «гармонически развитая личность» и «коммунистическое воспитание личности», «средние слои в союзе с пролетариатом» и «средние классы буржуазной пропаганды» и т.д. (Подробнее эти эффекты рассмотрены в главах второго раздела настоящей книги.)

²⁸ Я не буду давать здесь ссылку на какую-то одну работу Бурдьё, учитывая, что «категории» и «классификации» составляют такую же неотъемлемую часть методологического арсенала его исследований, как и понятия-инструменты «поле» или «габитус».

государственного деятеля, в несогласии с высоким налогом на прибыль из публичной речи политического представителя, в самохарактеристике члена правления частного банка на митинге протеста и т.д.²⁹ Эти определения могут отсылать к некоторым общим основаниям и интеллектуальным операциям или игнорировать друг друга. В пространстве конкурирующих политических идеологий «средний класс» наделяется миссией по мирному спасению общества от межклассового насилия и революции. В пространстве стилей жизни тот же «средний класс» кристаллизуется на стыке потребительских влечений и экспертизы повседневности: в форме регулятива стиля жизни, который нишевые СМИ транслируют аудитории своих разборчивых читателей. Важно, что каждый из этих способов противопоставляет «средний класс» чему-либо или кому-либо еще, пускай и не всегда в явной форме, практически вводя такое смысловое различие (если мы анализируем современный российский случай, то в пределе — дистанцию по отношению к «советскому»), которое одновременно служит перформативным способом деления людей на группы.

Использование таких различий в качестве единиц анализа отменяет жесткую методологическую границу между поняти-

²⁹ В целом понятие «средний класс», которому посвящено исследование первого раздела настоящей книги — великолепная иллюстрация глубокой, но незаметной политизации актуального социального словаря. С конца 1990-х годов наиболее частыми мотивами академической и экспертной речи в отношении среднего класса в России остаются критерии и численность этой гипотетической группы. И почти никогда предметом рефлексии не становятся политические запросы, адресованные профессионалам по производству смыслов, по мере реализации которых понятие наделяется теми или иными проектными признаками. Одновременно связь категории «средний класс» с другими проектными универсалиями, например, «демократия», может устанавливаться и утрачиваться на удивительно кратких хронологических промежутках. Это характерно не только для российской, но и для европейской публичной речи. Так, если во второй половине 1990-х годов язык «единой Европы» утверждает связь между «средним классом» и «демократией», всего десятилетием позже в официальных документах Евросоюза российский «средний класс» определяется лишь как емкий покупательский «рынок» европейской продукции. Использование критического метода исторической социологии обнаруживает специфическую обратную связь: чем более глубоко категория определена политически, тем меньше эксперты, участвующие в придании ей смысла, склонны замечать эту определенность.

ем, классификацией, категорией и институтом. В решающем для исторической социологии измерении все они возвращают исследователя к смыслу, который доопределяет и упорядочивает силовые линии социальных взаимодействий. В настоящей книге разнообразие форм, в которых выражены эти различия, рассмотрено как элемент общего пространства, где социальная и хронологическая дистанция, отделяющая введение в публичный оборот понятия от создания института, а создание института — от использования технической классификации, может быть неощутимой. Такое понимание позволяет уйти, среди прочего, от бесперспективных противопоставлений, навязываемых «теоретической социологией» и гуманитарной публицистикой: норма или реальность, порядок или изменения, культура или власть, эмпирическое или априорное, микроуровень или макроуровень и т.д. В исследовании, внимательном к практическим различиям, подобные смысловые суррогаты мгновенно вытесняются работой по реконструкции явных и свернутых текстуальных оппозиций, которые в изучаемый период используются непосредственными участниками взаимодействий. А также выявлением таких контекстов, где производится декларативный или неявный разрыв со смыслами понятия предшествующего периода и где новые контекстообразующие связи между понятиями позволяют обнаружить присутствие новых социальных позиций или смену отношений между существующими. Именно в этих точках история понятий становится наиболее политической. Через обращение к социальным условиям таких разрывов мы получаем возможность прояснить, как функционирует и как меняется социальный порядок.

Bikbov, A.

The Grammar of Order: A Historical Sociology of the Concepts That Change Our Reality [Text] / A. Bikbov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2014. — 432 p. — (Social Theology). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1001-8 (hardcover).

The nature of Russia's political and social system sparks animated debates among scholars and experts, while the Soviet past remains a matter of equally passionate research and discussions. Sociologist Alexander Bikbov has made an original contribution to these debates with this new book. In this fundamental study of Russian and Soviet societies, Bikbov has based his research on a pioneering method, the historical sociology of concepts. Analysis of large-scale social change is articulated here with a meticulous study of the conceptual apparatus that provides different historical periods with their public vocabulary.

The book thus provides a new and a more profound view of Russian society over the last twenty years, including the transformations of its public sphere, its political and academic structures, and struggles around the concepts of middle class, democracy, Russian science, and the Russian nation. The book likewise introduces a revolutionary approach to the Soviet period, reconstructing the hidden social and political dimensions of such concepts as scientific progress, the well-rounded individual, socialist humanism, and the social problem. Special attention has been paid to the role of academic expertise in investigating the political regime with meaning, a matter rarely addressed in historical studies of the Soviet era.

Chronologically, the book spans the period from the social upheavals of the late nineteenth century to the 2011–2012 protest movement. A look at the similarities and differences in Russian and international (primarily French) social history gives the study particular vividness and depth.

With its theoretical ingenuity, innovative research techniques, clarity, and brilliant systematization of extensive factual material, the book will be of great interest to historians, sociologists, political scientists, social linguists, philosophers, and students of Russian society, as well as the wider public of educated and critically thinking readers.

* * *

CONTENTS

- I. The Structure of the Project: A “Middle Class” for a “Democracy”
- II. The Russian “Middle Class”: The Energy of Rupture and Dissipation
- III. The Function of “Humanism” in Official Soviet Rhetoric
- IV. The Bourgeois “Personality” in the Realm of “Mature Socialism”
- V. The Birth of the “Scientific Progress” State
- VI. “Science” without “Progress”: The Post-Soviet History of the Concept
- VII. Russian Sociology: Conceptual Genesis and Continuity
- VIII. A Non-Collegial Discipline: Towards a Political Micro-History of Russian Sociology
- Epilogue. Academic Deregulation: A Final Reckoning

Научное издание
Серия «Социальная теория»

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

ГРАММАТИКА ПОРЯДКА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ПОНЯТИЙ, КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ
НАШУ РЕАЛЬНОСТЬ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Компьютерная верстка
ОЛЬГА БЫСТРОВА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 13.05.2014. Формат 60×90/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 23,9. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. №1620. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76,
тел./факс: 8 (496) 726-54-10

